

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45^{-ГО}**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ЖЕСТОКОЕ ЭХО ВОЙНЫ

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Жестокое эхо войны / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-164251-8

Великая Отечественная война закончилась. Органы НКВД проводят учет демобилизованных военнослужащих с уголовным прошлым. Есть опасение, что, вернувшись домой, они могут влиться в столичный криминал. Бандиты решают опередить оперативников и завладеть важным архивом. Но на их пути становятся сотрудники МУРа. В результате жестокой схватки уголовникам удастся захватить в заложники раненого оперуполномоченного Александра Василькова. Для его друга майора Ивана Старцева спасти товарища от неминуемой смерти становится делом чести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164251-8

ПРОЛОГ

*Москва, площадь Коммуны;
июль 1945 года*

Вчерашний прогноз сбылся в точности: погода в этот июльский день была отвратительная. Две недели подряд голову пекло стоявшее в зените, посреди чистого голубого неба, солнце, а сегодня — здрасьте-пожалуйста — холодный северо-восточный ветер, тяжелая низкая облачность, мелкий морозящий дождь. Если бы вдобавок к этому с деревьев полетели желтые листья, горожане решили бы, что середина лета в одночасье сменилась серединой осени.

Ударивший сильный порыв едва не сорвал с головы кепку. Ухватив ее широкой ладонью единственной уцелевшей на войне руки, сорокалетний Прохор витиевато выругался и натянул ее поглубже. Затем поднял воротник пиджачка и нехотя ответил на вопрос юного напарника:

— Ты ж пойми, орясина: лоб и борта у танка знатно облеплены броней — так просто ее не взять. На то он и танк, чтоб не замечать пуль с гранатами. Зато нижний бронелист у него тон-

кий, аккурат такой же, как верх у башни, — двадцать миллиметров.

Розовощекий оголец¹ Валька с надеждой смотрел на возрастного Прохора.

Но тот огорчил:

— Не, твоей гранатке это не по зубам.

— Как же так?! Такая тяжелая дура и «не по зубам»?! — искренне негодовал мальчишка. — Там же пороху небось цельный фунт!

— Болтай — фунт! Не фунт, а сто десять граммов.

— Все равно жахнет — будь здоров! Так что же, не возьмет, говоришь? Даже если закинуть под брюхо целую связку?

— Связка может опрокинуть, но, опять же, осколками не пробьет. Противотанковая для такого дела требуется. Были у нас такие — «РПГ-41» назывались. Грозная штукавина. Фугасная, кило взрывчатки внутри. Вот та жахала! У нас же с тобой обыкновенная — противопехотная. А с обыкновенными — как повезет.

— Авось подорвем, а?

— На авось, паря, в таких делах надеяться негоже. В бою либо ты врага, либо он тебя, и больше никак. Потому надобно наверняка! Усек?..

¹ Оголец — несовершеннолетний преступник.

Валька был сметлив и понятлив. Правда, кое-какие вопросы в его голове ответов не находили. Например, почему о броне и гранатах Прохор рассказывал ему только сейчас — за несколько минут до появления броневедомобиля? Почему не обмозговать все эти заковырки заранее?

Что-то главарем банды для будущего успеха, безусловно, делалось. Почти две недели он посылал сюда огольцов для слежки за броневедомобилем. Меняя одежду и место наблюдения, те раз за разом вынюхивали график, выясняли маршрут движения. А вот в остальном главарь полагался на тот самый «авось», по которому только что язвительно прошелся Прохор.

* * *

Молодой Валька Неукладов и Прохор Панкратов прогуливались по Самотечному бульвару, разбитому между улицами Самотечная и Дурова, прямо перед площадью Коммуны. Редкие прохожие не обращали внимания на эту пару. Ну, гуляет инвалид войны с дождавшимся его сынишкой или племянником — что с того?..

Влево от бульвара уходила кривая Селезневская, вперед прямой стрелой улетала Божедомка, правее виднелся Институтский переулок. А Самотечная далеко позади упиралась в Садо-

вое кольцо. На Садовом кипела жизнь: куда-то спешили сотни пешеходов, двумя потоками в разные стороны бежал транспорт.

На самом бульваре было тихо. Странно, но зажатый между двух проезжих улиц бульварный клин не привлекал толпы людей ни до войны, ни после. Даже в самую хорошую погоду на здешних лавочках под сенью старых лип отдыхали разве что жители соседних домов. Оживленно здесь было только во время войны...

Осенью сорок первого года на площади Коммуны окопалась батарея зенитных пушек «52-К». Причем окопалась — в прямом смысле слова, превратив все вокруг в подобие строительной площадки. На бывшей площади чернели горы открытого грунта, между ними на выровненных площадках стояли зенитные орудия. Повсюду валялись пустые снарядные ящики и бревна для возведения блиндажей, на деревянных колышках качались телефонные провода.

При устройстве батареи военные пощадили только старые липы, да и те были оставлены ради маскировки. Строгие часовые не допускали на позиции горожан, заставляя их обходить запретную зону по остаткам тротуаров. Постепенно облик некогда цветущей мирной площади стал забываться. Однако не прошло и

двух месяцев со Дня Победы, как это местечко вновь обрело прежний уютный вид, заиграло на летнем солнце яркими красками. Грунт разровняли, привезли щебень, бордюрный камень, асфальт... Разбили аллеи и цветочные клумбы, заботливо высадили цветы, кустарник и новые деревья взамен погибших старых.

Уже в июне на площади появился прекрасный сквер с продолжением в виде бульвара вдоль улицы Самотечной.

* * *

Валька нервничал. В одной руке он держал холщовую сумку, другой машинально таскал из кармана каленые семечки. Его возрастной товарищ степенно вышагивал рядом. Ни во взгляде, ни в жестах, ни в походке его не было и намека на волнение. До появления бронированного автомобиля оставалось минут десять-пятнадцать. Он должен был протарахтеть своим слабеньким двигателем вдоль сквера на площади, затем повернуть к центру города.

— Ты давеча сказывал, будто сталь у броневика пожиже, чем у танка. Так ведь?

— Это я так рассудил вслух. А как оно на самом деле — знать не знаю. Нам ведь никто не дозволил разглядывать тот броневик. Издали изучали...

До сего дня парочка дважды появлялась на площади Коммуны примерно в это же время. Налегке, без холщовой сумки. Так же прогуливались, делая вид, что беспечно болтают за жизнь. Валька лузгал семечки, Прохор смолил папироски. А сами глядели на проползавший мимо броневик.

— Так что же делать, Проша? — развел руками юный корешок, смешно вывернув вперед ладони. — Я так и не понял, как нам с ним сладить.

— Смекалку прояви, — хитро прищурился бывший вояка. Потом скривился и проронил: — Хотя какая у тебя смекалка! Бивень...¹

— Чего сразу бивень-то?!

— А кто ж ты? На фронт бы тебя на полгода — там твои мозги быстро с изнанки на лицо перевернулись бы. Окопная житуха заставила бы. Как нас в сорок первом...

Сегодняшний день для нападения на броневомобиль был выбран главарем банды Беспалым не случайно. Еще вчера в новостях по радио прозвучало предупреждение о надвигающейся на столицу непогоде. Диктор пообещал резкое понижение температуры, дождь и сильный порывистый ветер. «Подходяще! —

¹ Бивень — придурок.

довольно потирал руки Беспалый. — В такую погоду улицы опустеют. Ни легавых, ни свидетелей!..»

Он оказался прав: Валька с Прохором за четверть часа насчитали не более десятка прохожих. Сейчас вокруг не было ни души. Свинцовые облака цепляли крыши домов; дождь то слабел, то накатывал свежей волной.

— Беспалый как-то сказывал, что пощипали вас поначалу, — не унимался говорливый малый.

Дойдя до конца липовой аллеи, Прохор остановился, достал из кармана пачку «Беломора», вытряс папироску, смял гармошкой мундштук... Все это он проделал одной левой рукой — наловчился за год инвалидской жизни. Правую руку сержант потерял в сорок четвертом, и сейчас пустой рукав поношенного пиджака был заправлен в боковой карман.

Отворачиваясь от порывов ветра и капель дождя, старый вояка чиркнул спичкой, выпустил клуб дыма и нехотя процедил:

— Было, чего уж. Хлебнули мы тогда с избытком. Немец в сорок первом пер нагло, по-хозяйски. Мы все больше драпали, а когда политруки с особистами брали за горло, копали окопчики и шмаляли из винтовок по танкам.

— Из винтовок?!

— Из них, родимых. Потому как ничего другого у нас не было. Патронов и тех по пять штук на брата давали.

— И как же вы?

Проخور прокашлялся, сплюнул на асфальт:

— «Тигры» у немца появились опосля, а в сорок первом нас утюжили «Т-4». Они попроще, поменьше, да все одно страх до костей пронизывал. Ползет на тебя серая туша, не замечая колдобин, приямков, заборов и «колючки». Ощетинилась пушкой, пулеметами, и все ей ни-почем. Ничем ее, суку, не взять! Мы-то с дури и со страху гранатами точно в лоб норовили, а там самая толстая защита. Потом уж догадались — стали кидать под гусеницу.

— Ага! Значит, броневнику тоже под гусеницу нужно?! — просиял Валька.

— Под какую гусеницу, бивень? Нету их у броневика! Али не заметил, что у него колеса?

— Присмотрел! Как не заметить!

— Под колесо — запомни! И желательнее под переднее — где мотор.

— Понял-понял, Проша! Под колесо. Сделаю.

— Я бы сам сделал, — снова закашлялся тот, — да не привык левой швырять. Завсегда правую в этом деле пользовал.

— Справлюсь! Слово даю!..

— Тихо ты! — оборвал его бывший сержант-пехотинец. — Вроде от Божедомки бормочет.

Оба замерли. Бульвар тонул в шелесте липовых крон.

— Ничего не слышу. Одни листья, — развел руками Валька.

— Эх-х, подфартило мне с помощничком, — проворчал Прохор. — Бормочет мотор-то, соберись!..

* * *

Фонд обороны Союза ССР был создан в сорок первом году по инициативе простых советских граждан. Просуществовав до победного сорок пятого года, он собрал в виде добровольных отчислений и именных взносов огромные денежные средства. В течение войны на них строились боевые корабли и подводные лодки, танковые колонны и авиационные эскадрильи, бронепоезда и артиллерийские батареи. Закупались продовольствие, обмундирование, медикаменты, боеприпасы... Всего за годы войны только жителями Москвы в Фонд было внесено более двух с половиной миллиардов рублей. Ошеломляющая по тем временам сумма!

Денежные переводы продолжали поступать в Фонд и после Победы, когда исчезла необхо-

димось в заказах нового вооружения. И тогда руководство страны приняло решение ликвидировать Фонд обороны, а оставшиеся средства перевести на специальный счет Госбанка СССР, открытый для финансирования восстановления народного хозяйства.

С конца июня сорок пятого года из здания Московского отделения Фонда ежедневно выезжал инкассаторский броневедомоцикл с несколькими опечатанными мешками наличных денег, собранных москвичами и жителями области. Только однажды в неделю броневедомоцикл отвозил деньги в отделение Госбанка, расположенные на севере столицы. Все остальные дни начальный этап маршрута его передвижения оставался неизменным: от площади Борьбы, через Божедомку и Самотечную, до Садового кольца. Далее он направлялся в то отделение Госбанка, куда было предписано доставить наличность.

* * *

На площади Коммуны, в начале Божедомки, дежурил еще один оголец по прозвищу Косой. С глазами у него был порядок. Более того, он прослыл внимательным и зорким малым, а прозвище получил из-за врожденного дефекта верхней губы.

Покуда краснощекий Валька с инвалидом Прохором вслушивались в нараставший гул мотора, Косой просигналил: «Едет!» Подельники, которых вокруг площади рассыпалось более десятка, изготовились к встрече...

Мотор тарахтел все ближе. И вот наконец с Божедомки вырулил угловатый узконосый броневедомка. От своих боевых собратьев, участвовавших в войне, он отличался отсутствием пулеметной башни. В остальном это был типичный броневедомка «БА-64». Наклонные стальные листы, выкрашенные в темно-зеленый цвет; люки, бойницы, запасное колесо на корме, закрепленный по бортам шанцевый инструмент...

Валька засуетился и, не спуская глаз с приближавшегося автомобиля, быстро сунул руку в холщовую сумку.

— Да не мельтеши ты, — пробасил Прохор. — Рано еще.

— Помню-помню, — кивнул оголец. — Кидать надо с упреждением, когда останется метров тридцать. И целить под переднее колесо, верно?

— Все так...

Они продолжали неторопливо вышагивать по аллее. От проезжей части их отделяла неширокая полоса грунта, где росли липы с низ-

ким кустарником. Броневи́к приближался, мелькая за растительностью гранеными боками.

Бывший вояка привычно разгладил усы:

— Время, Валек. Изготовься.

Тот послушно вынул гранату «РГ-42», крепко зажал ладонью рукоять и приготовился выдернуть кольцо предохранительной чеки.

— Задержка три-четыре секунды, — напомнил Прохор. Затем прищурился, оценивая оставшееся расстояние, и прохрипел: — Давай!

Малец подбежал к ближайшей липе. Спрятавшись за ее стволом, решительно выдернул кольцо, размахнулся и швырнул гранату навстречу броневикау.

Бросок вышел не шибко удачным: граната тюкнулась об асфальт короткой рукояткой и, слегка изменив направление, поскакала мимо траектории движения бронемашины.

Матюгнувшись, Прохор гаркнул:

— От неумеха окаянный! Навязался на мою шею!

Упреждение малец рассчитал неплохо, но подвело направление броска. Граната взорвалась слева от автомобиля, не нанеся повреждений ни колесам, ни моторному отсеку.

Звук взрыва эхом разнесся по площади. Где-то зазвенели лопнувшие стекла, к серым тучам взметнулась стая голубей.

Броневик вильнул в сторону от разорвавшейся гранаты; из-за резкого движения колеса потеряли сцепление с мокрым асфальтом. Проскользив юзом метров двадцать, машина тюкнулась о бордюр и остановилась.

— Ну, хоть так, — проворчал Прохор, взводя курок револьвера. — Поспешай!..

Со всех сторон к броневику бежали подельники; каждый был вооружен пистолетом, револьвером или обрезом трехлинейной винтовки.

Внезапно из круглых бойниц один за другим высунулись два автоматных ствола, и по площади заметалось эхо частых выстрелов. Первые же очереди сразили несколько бандитов. Остальные, позабыв об атаке, кинулись прятаться от свинца за деревьями, под лавочками и за ближайшими зданиями.

Экипаж броневика состоял всего из двух человек: водителя и командира, отвечавшего за перевозку денег. Оба были вооружены пистолетами-пулеметами «ППШ»; на кронштейнах внутри машины хранился большой боезапас снаряженных дисковых магазинов.

Кто-то из напуганных горожан позвонил в милицию и сообщил о происшествии. Минут через семь-восемь на площадь Коммуны прибыли первые милицейские машины и мотоциклы.

Перестрелка к этому времени уже стихла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Москва, 1-й Крестовский переулок, ресторан «Гранд»,
через два дня*

К пятидесяти пяти годам Сафрон Володарский оставался мужиком видным, по-своему симпатичным. Широкие плечи, стать, волевое лицо с изогнутым шрамом и тонкими усиками, которые в силу возраста приходилось подкрашивать специальной темной краской. Этакое воровское достоинство в каждом движении, в каждой сказанной фразе. Говорил он складно, правильно, и если бы иной раз не вворачивал блатные словечки, то вполне сошел бы за образованного интеллигентного человека.

Имея неплохой вкус, Сафрон хорошо одевался, любил дорогие вещички и вообще умел выгодно подать себя на воровских сходках. Бывало, молчит, слушает, как подельники горячатся, спорят... Потом остановит базар едва приметным жестом и выдаст свое заключение, обосновав его коротко и понятно.

Годы не брали Сафрона. Разве что густые волнистые волосы стали быстро сесть на висках. Но

и это не испортило его внешности, добавив шарма и пару козырей в колоду авторитета.

— Дед, там такое дело... — нависнув над ухом, встревоженно зашептал восемнадцатилетний племянник Лавр.

— Что еще? — насторожился именинник. Сегодняшний вечер в ресторане не располагал к неприятным новостям.

— Я сейчас до сортира бегал. Там, в зале, кажись, Беспалый за столиком отдыхает. В одно рыло бухало глушит.

— Беспалый? Один, говоришь?

— Ну да! Поговаривают, банду его пощелкали недалеко от Садового.

Дед Сафрон слышал о неудаче банды Беспалого, но дерзкий замысел налета на броневик ему понравился.

Пожевав губами, он поглядел на стол, на пьянеющих гостей. И приказал:

— Вот что, Лаврушка: организуй-ка по-быстрому местечко рядом со мной и пригласи его сюда. Вежливо пригласи.

— Понял. Один момент...

Ресторан «Гранд» издавна привлекал блатных разного пошиба. Крестовский переулок, посередине которого располагалось его двухэтажное здание, был тихим, не проходным. Начинался переулок у площади Рижского вокзала, где шум,

грохот и суматоха смолкали лишь к глубокой ночи. Заканчивался он у насыпи ленинградской железнодорожной ветки, по которой то и дело стучали колесами пассажирские поезда и товарные эшелоны. В случае шухера из ресторана можно было незаметно выскользнуть на улицу через любое окно или служебный вход и бесследно раствориться в ночи.

Впервые ресторан в Крестовском распахнул свои двери перед гостями в начале тридцатых и быстро завоевал славу уютного, респектабельного и передового заведения общепита. В «Гранд» стали приходили выпить кофе или сухого вина, пообедать, отдохнуть с семьей или пообщаться с друзьями. Идиллия продолжалась лет пять, после чего репутация заведения покатила вниз. Каждого посетителя, рисквавшего заглянуть в этот ресторан, уже в фойе встречали шум, грязь, неприятные запахи, мутные пьяные личности. Столы толком не убирались, в зале стоял табачный смог, обслуга грубила и безбожно обсчитывала. Нормальные клиенты перестали жаловать «Гранд», и вскорости его судьба оказалась под вопросом.

Положение спасло новое руководство в лице двух человек: директора Лазаря Лившица и ушлого администратора Иннокентия Разгуляева. Оба каким-то образом были связаны с крими-